

— Тогда появятся и новые души. — Линху Су взглянула на сцену. — Им пора научиться самим о себе заботиться, вечно быть слабоумными призраками нехорошо, это увеличивает нагрузку на Преисподнюю.

Яньван подумал про себя: Неужели она переживает за государство и народ даже больше, чем я, Повелитель?...

Представление закончилось, весь пол был усеян монетами преисподней. Толпа призраков кричала, требуя продолжения, и Линху Су пришлось выйти на сцену, чтобы успокоить их. Только тогда они постепенно разошлись.

Пока Линху Су собирала разбросанные призраками монеты преисподней, Яньван неведомо когда оказался у неё за спиной. Его голос прозвучал холодно и мрачно:

— Лун И снова ушла? Почему она не вернулась с тобой?

Линху Су рассказала Яньвану о деле Сюэхуа. По мере повествования выражение лица Повелителя становилось всё мрачнее, и лишь когда она закончила, он спросил:

— Это Лун И сама лично сказала, что та девочка — дочь Сюэхуа?

Линху Су кивнула.

Хотя она и не понимала, почему Баба Мэн и Яньван так обеспокоены этим, она уже ясно почувствовала, что дело принимает серьёзный, если не сказать опасный, оборот.

— Мне нужно спуститься в мир людей и посмотреть! — Лицо Яньвана стало угрюмым. — Вот что: я отправлюсь забрать Сюэхуа обратно, а ты найди Бабу Мэн. Если Лун И всё ещё в мире смертных, ты тоже верни её.

— Ты думаешь, Баба Мэн и другие не смогут найти Сюэхуа?

— Я думаю, что Сюэхуа не пойдёт с ними добровольно.

Когда Линху Су вышла за Врата Призраков, в мире людей вновь наступила ночь.

По мере роста её мастерства она теперь могла постепенно ощущать, как кровь дракона течёт в её теле, хотя настоящего физического тела у неё уже давно не было.

Но, возможно, именно из-за отсутствия тела эта капля крови, последовавшая за ней из мира смертных в Преисподнюю, ощущалась в её духовных каналах так отчётливо.

Когда она остановилась, то обнаружила, что, следуя зову крови дракона, пришла к храму. Взглянув вперёд, Линху Су внезапно широко раскрыла глаза.

— Это...

Внезапно перед ней возвышался храм Линху Су!

Она быстрым шагом вошла внутрь и действительно в центре главного зала увидела невероятно искусно выполненную статую самой себя — в образе времён службы чиновником в мире смертных.

Рядом с божественным изваянием стояла стела, испещрённая плотными рядами иероглифов.

Подойдя ближе, Линху Су увидела, что на ней записана вся её жизнь: как она сдала императорские экзамены, заняла пост министра Палаты налогов, вызывала дождь, боролась с наводнениями, и даже некоторые заслуги, о которых она сама уже не помнила.

Линху Су улыбнулась с теплотой.

— Оказывается, в мире людей ещё есть те, кто помнит меня.

За статуей, судя по всему, находились несколько боковых комнат, потому что Линху Су услышала доносящиеся оттуда звуки. Она проследовала на голос и оказалась у одной из дверей, за которой слышалось какое-то шуршание, возня.

Тонкий, пронзительный голос Бабы Мэн донёлся изнутри:

— Сестричка, полегче, я больше не могу выдержать...

Казалось, она что-то сдерживала, и в сочетании с её от природы соблазнительным голосом это заставило Линху Су за дверью похолодеть от ужаса.

Лун И тоже была внутри и послушно спросила:

— Может, сменим позу?

Что?! В голове у Линху Су грянул гром. Она застыла на месте.

— Нет, всё равно больно. Попробуй не так глубоко.

— А так? Если ещё мельче, то вообще выйдет. — Голос Лун И звучал кристально чисто.

Они!! Они занимаются чем-то скверным!!

— Постой... погоди, я перевернусь... Вот так, теперь давай снова...

Лицо Линху Су потемнело. Стиснув кулаки, она жёстко постучала в дверь, не забыв представиться:

— Это я, Линху Су. Я вхожу.

Испуганный голос Бабы Мэн прозвучал из-за щели в двери:

— А! Не входи!!

Лицо Линху Су омрачилось, её кулаки сжались так, что затрещали кости.

Быть обманутой до такой степени — как можно не войти!

Линху Су пнула дверь ногой и ворвалась внутрь с грозным видом.

Баба Мэн с криками а-а-а нырнула под одеяло, а её одежда беспорядочно валялась снаружи.

Линху Су окинула взглядом комнату. Одежда на Лун И была на месте, но вот Баба Мэн...

Увидев Линху Су, Лун И улыбнулась, глаза превратились в щёлочки. Она похлопала по комку одеяла, под которым скрывалась Баба Мэн:

— Сестричка Линху пришла, пусть она тебе поможет.

Я тебе помогу? Я убью тебя!!

— Баба Мэн! Немедленно вылезай!!

Голос Бабы Мэн глухо донёлся из-под одеяла:

— Линху Су! Ты с ума сошла? Я же сказала не входить, ты оглохла?!

Линху Су прямо подошла и потянула за одеяло, но изнутри его крепко удерживали.

— Отпусти же, Линху Су!

Гнев Линху Су уже достиг макушки. Она мгновенно призвала свою силу и разорвала одеяло в клочья, так что пух полетел во все стороны.

Баба Мэн, обнажённая, съёжилась на кровати. В её глазах полыхало пламя, а на лице было выражение, словно она готова была съесть Линху Су.

Лицо Линху Су в этот момент почернело, как уголь. С таким же убийственным выражением она пристально смотрела на Бабу Мэн.

Белоснежное тело Бабы Мэн оказалось обнажено перед всеми, одежда и клочья пуха валялись повсюду. Лун И сидела на кровати со скрещенными ногами, а на её запястье было намотано несколько витков серебристо-белой нити.

Связывание?

В голове у Линху Су пронеслись грязные мысли, а затем ум вдруг стал абсолютно пустым. Она уставилась на Лун И, не веря своим глазам, не веря этой непристойной картине.

— Ты... ты ты...

Что сказать, чтобы показать, насколько она возмущена? Броситься вперёд и стащить с кровати Бабу Мэн? Или стащить Лун И?

Макияж Бабы Мэн из-за всей этой суматохи стал крайне неопрятным, но ярость и жажда убийства в её глазах прямо-таки пронзили сквозь слой расписной кожи. Казалось, она вот-вот подскочит на кровати.

Линху Су инстинктивно хотела отвернуться. Не нужно было быть гением, чтобы понять, какая сцена только для взрослых предстанет перед ней, когда Баба Мэн встанет.

Однако ничего подобного не произошло. Баба Мэн яростно сорвала с себя расписную кожу, отрывая её вместе с тем, что было на теле, и изнутри вышла та самая женщина с распущенными волосами, что стоит у берега Жёлтых источников.

— Как... как так...

Слово получилось ещё не слетело с губ Линху Су, как она почувствовала, что кто-то сильно пнул её в живот. Она пошатнулась назад и ударилась спиной о дверь. Баба Мэн подлетела к ней и схватила за горло, Линху Су даже услышала, как у той затрещали зубы от злости:

— Линху Су! В этой жизни и в следующей тебе не видать перерождения! Я не позволю тебе перейти Мост Найхэ!!

* * *

Днём Сюэхуа вышел из братской могилы, а рядом с ним шла та самая девочка, которую они встретили в чайной.

Баба Мэн прекратила поддерживать заклинание и спросила:

— Это ты нас атаковал?

— Нет.

Взгляд Бабы Мэн скользнул по девочке. Та выглядела на четыре-пять лет, держала Сюэхуа за руку, не плакала и не капризничала, совершенно не боясь ужасающей расписной кожи на его лице.

Баба Мэн взмыла в воздух, чтобы осмотреть парящих детей. Когда она пристально смотрела на одно почерневшее и посиневшее детское тело, оно внезапно открыло глаза и уставилось прямо на неё.

Обычного человека такой вид, вероятно, уже давно поверг бы в обморок от ужаса. Но Баба Мэн проводила в последний путь больше призраков, чем сейчас живёт людей на свете, поэтому при виде этой сцены в её сердце не возникло ни малейшей волны. Быстро сотворив в руке печать, она ударила ею в лоб труппа, прошептав покойся с миром. И тело действительно снова закрыло глаза, словно обретя покой.

Однако все остальные тела, висящие в воздухе, в тот же миг разом открыли глаза. Их конечности начали совершать резкие, негнущиеся движения, будто они ожили, и прямо, как деревянные, пошли в атаку.

Крюк похитителя душ в руке Сюэхуа внезапно взметнулся ввысь и мгновенно обездвижил с десяток тел вокруг Бабы Мэн.

— Уходи скорее.

Даже приказав соратнице отступить в разгар битвы, голос Сюэхуа оставался ледяным.

Баба Мэн коварно усмехнулась:

— Разве с Лун И нам нужно бежать?

Повернувшись, она крикнула:

— Лун И, вперёд!

Получив приказ, Лун И мгновенно материализовала в руке золотой хлыст. Он вспыхнул сиянием, подняв бурный поток энергии, что взметнул в небо ветер и облака.

— Дети!

В голосе Сюэхуа наконец-то появились нотки волнения.

Баба Мэн поняла его намёк и крикнула Лун И:

— Не причиняй вреда детям, просто обездвигь их!

Лун И кивнула ей. Золотой хлыст замедлил скорость и, подобно змее, заскользил среди толпы тел, быстро связывая их всех вместе так, что они не могли пошевелиться.

В этот момент тот самый поток света, что атаковал их ранее, вновь вырвался из тумана и направился прямо к маленькой девочке, стоявшей в стороне.

Баба Мэн всё ещё была в воздухе. Увидев это, она немедленно устремилась вниз, схватила девочку на руки и отпрыгнула в сторону, но порыв ветра пронзил ей спину, оставив глубокую рану.

Так и получилось, что позже Лун И то глубоко, то поверхностно зашивала расписную кожу на спине Бабы Мэн.

Руки у Лун И были незнающие меры, она часто прокалывала иглой душу внутри, и Баба Мэн от уколов чуть не плакала от боли.

Линху Су в душе уже почти поверила в эту историю, но всё ещё упрячилась, как утка, которая хоть и мёртва, но клюв твёрд:

— Но ты же призрак! Разве игла может причинить тебе боль?

Баба Мэн снова ударила Линху Су кулаком в живот:

— Больно?

Линху Су взмолилась о пощаде.

— Хочешь, я проткну тебя иглой для душ? Посмотрим, будет ли тебе больно?

Линху Су было очень неловко, она не знала, как с достоинством выйти из ситуации, поэтому молча подошла, подняла расписную кожу и принялась её зашивать вместо Бабы Мэн.

— Положи!

— Сестричка Мэн... — Линху Су повела себя нагло. — Я погорячилась, прими это как мои извинения.

<http://bllate.org/book/15102/1343757>